

ИСТОРИЯ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 94(410)"06/07"

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-94-105

Ссылка для цитирования: *Болдырева И. И.* Эльфледа, игуменья Уитби, в англосаксонской агиографической традиции рубежа VII–VIII веков // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 94–105.

ЭЛЬФЛЕДА, ИГУМЕНЬЯ УИТБИ, В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ РУБЕЖА VII–VIII ВЕКОВ

И. И. Болдырева

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, 394036, Россия, Воронеж, ул. Студенческая, 10

boldyrevairi@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6708-7268

Scopus Author ID: 57223853884

В центре внимания статьи – изображение Эльфледы, игуменьи Уитби, в агиографических сочинениях англосаксонских церковных авторов рубежа VII–VIII вв. Основными источниками исследования стали два жития святого Кутберта, написанные анонимным линдисфарнским монахом и Бедой Достопочтенным, а также составленное Стефаном Рипонским житие святителя Уилфреда Йоркского. В первые столетия после крещения Англии в основе авторитета знатных англосаксонских настоятелей лежали их родственные связи с правящими домами. Представительница нортумбрийской королевской династии Эльфледа (654–714) была одной из наиболее могущественных женщин Англии своего времени, проявляла интерес к письменной культуре, вопросам престолонаследия и церковной политики. Круг социальных контактов игуменьи распространялся далеко за пределы Уитбийского монастыря. В житии святителя Уилфреда Эльфледа изображена влиятельной публичной фигурой. Агиографическая традиция, посвященная Кутберту Линдисфарнскому, приоткрывает ее эмоциональный мир, частный опыт общения с чудотворцем, вовлеченность в дела нортумбрийской королевской семьи. На примере образа второй аббатисы Уитби можно говорить о высоком общественном статусе знатных настоятельниц англосаксонских двойных монастырей и одновременно о неоднозначном отношении в церковной среде к их политической активности. Не меньшее влияние на восприятие Эльфледы современниками-агиографами оказали обстоятельства и цель создания их сочинений, особенности биографий подвижников, которым посвящены эти жития, микроконтекст нарратива. Используя сравнительный и контекстуальный анализ, автор предпринимает попытку пересмотреть присутствующую среди историков гендерного направления точку зрения о враждебном отношении Беды Достопочтенного к преподобной Эльфледе.

Ключевые слова: Англия VII–VIII вв., Англосаксонская церковь, англосаксонское монашество, агиографическая традиция англосаксов, Уитби, игуменья Эльфледа.

Настоятельницы двойных монастырей были среди женщин, оставивших наиболее значимый след в исторических источниках раннесредневековой Британии [*Болдырева, 2014b; Гвоздецкая, 2008; Black, 2013*]. К числу знатных монахинь, которых упоминает Беда Достопочтенный в своей «Церковной истории», принадлежит вторая аббатиса Уитби Эльфледа. Эльфледа появилась на свет ок. 654 г. в семье короля Нортумбрии Освью (655–670). Ее вступление в монашество было предопределено с самого рождения. В благодарность за победу над правителем Мерсии благочестивый Освью дал обет посвятить свою дочь Богу. Девочка поступила на воспитание в монастырь Хартлпул, игуменней которого была родственница короля преподобная Хильда. Став аббатисой Уитби, Хильда забрала Эльфледу с собой. После кончины игуменьи в 680 г. Эльфледа возглавила монастырь вместе со своей матерью, которая к тому времени овдовела. Со смертью вдовствующей королевы ее дочь стала единовластной начальницей монастыря. Не сообщая других сведений об Эльфледе, Беда пишет, что она прожила около шестидесяти

лет и была похоронена вместе со своими родственниками в церкви св. Петра на территории Уитбийского аббатства (Bede's Ecclesiastical History..., 1969, III.24, IV.26, p. 290–293, 428–431).

Скудную информацию об Эльфледе в историческом нарративе отчасти компенсирует агиографическая традиция, посвященная ее современникам, – святителю Уилфреду Йоркскому (The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus) и святителю Кутберту Линдисфарнскому (Vita Sancti Cuthberti Auctore Anonymae (VC auct. A); Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda (VC auct. B)). Благодаря этим сочинениям, относящимся к древнейшим образцам англосаксонской житийной литературы, мы можем говорить о преподобной Эльфледе как об одной из знаковых фигур женского монашества раннесредневековой Англии в период его наивысшего расцвета.

В научной литературе на протяжении длительного времени второй игуменье Уитби не уделялось сколько-нибудь существенного внимания. Интерес к ее исторической личности связан с увидевшим свет в 1992 г. монографическим исследованием С. Холлис, один из разделов которого посвящен сравнительному анализу образа Эльфледы в двух житиях святителя Кутберта, составленных анонимным агиографом и Бедой [Hollis, 1992, p. 179–207]. Мы ставим своей задачей изучить особенности репрезентации Эльфледы древнеанглийскими церковными писателями в контексте социокультурных и политических реалий Англии рубежа VII–VIII вв., проиллюстрировать на ее примере статус знатных аббатис и отношение к ним в англосаксонской церковной среде.

Уитбийский монастырь в культурном пространстве донорманнской Британии занимал значимое место. Основанная в конце 650-х гг. двойная обитель еще при жизни первой настоятельницы Хильды стала крупным центром христианской учености и подготовки клира [Blair, 1985]. Изучение Священного Писания входило в ежедневный круг занятий монастырских насельниц и насельников. Писавший свою «Церковную историю» в начале 30-х гг. VIII в. Беда Достопочтенный поименно перечисляет пять англосаксонских архиереев, начинавших монашеский путь в стенах Уитби (Bede's Ecclesiastical History..., 1969, IV.23, p. 408–409).

Аббатиса Эльфледа продолжила благочестивые начинания своей предшественницы. При ней в монастыре велась активная работа по созданию манускриптов. Настоятельница поддерживала дружеские контакты с континентальными конвентами. Сохранилось ее письмо к пфальцельской аббатисе Адоле, содержащее одно из ранних свидетельств паломнических путешествий в Рим, которые англосаксонские монахини совершали еще на рубеже VII–VIII вв. (Die Briefe des heiligen..., 1916, 8, p. 3–4). В стенах Уитби во время настоятельства Эльфледы была составлена не дошедшая до нас духовная биография преподобной Хильды, известная Бедо и автору «Древнеанглийского мартиролога» (Bede's Ecclesiastical History..., 1969, IV.23, p. 404–415; Old English Martyrology, 1900, p. 206–209) [Cross, 1979]. Под ее патронажем велась работа над житием папы Григория Двоеслова, который в правление Этельберта Кентского (591–616) инициировал крещение Англии (The Earliest Life..., 1985). Принято считать, что автором этого сочинения был монах из числа уитбийской братии. В новейшей историографии присутствует и другая точка зрения, согласно которой житие святого Григория составили ученые насельницы Уитбийского монастыря [Breeze, 2012; Watt, 2020, p. 31–39]. Подчеркивая исторические ассоциации аббатства с правящей династией Нортумбрии и ее основателем Эдвином Святым (616–633), это сочинение показывает, что высокородные настоятельницы Уитби видели себя частью нортумбрийского королевского дома, наследницами его древнего могущества и благочестия (The Earliest Life..., 1985, 16, p. 103).

В отличие от уитбийского жития Григория Великого агиографические нарративы, посвященные англосаксонским национальным святым Уилфреду и Кутберту, формировались как часть книжной традиции классических мужских монастырей Линдисфарна, Рипона, Вearмут-Ярроу. Сохранив воспоминания об Эльфледе, каждый из этих памятников отражает восприятие знатных аббатис частью англосаксонского клира, предлагая свое осмысление их образов в раннесредневековой «культуре мужчин».

Житие современника преподобной Эльфледы святителя Уилфреда (ок. 634–709) составил в первое десятилетие после его кончины лично знавший епископа рипонский священник Стефан [Kirby, 1983, p. 102–103; Laynesmith, 2000]. Памятник отличается подробным описанием целого ряда событий из истории ранней Нортумбрии и высокой степенью достоверности [Rollason, 1996]. Интерес Стефана Рипонского ко второй настоятельнице Уитби был связан с ее

участием в реабилитации святителя после его продолжительной опалы. В сочинении, свидетельствующем о высоком влиянии Эльфледы в придворных кругах, она представлена авторитетной защитницей святого. Уже будучи рукоположенным в епископский сан, Уилфред Йоркский участвовал в многочисленных конфликтах с братьями Эльфледы: сначала с королем Экфридом (670–685), затем с королем Альфтридом (685–704). Описанию этих конфликтов посвящена значительная часть жития.

В судьбе святителя Уилфреда представительницы нортумбрийского королевского дома, к которому принадлежала игуменья, в разное время сыграли разную роль. Мать Эльфледы королева Эанфледа оказывала ему покровительство еще в юные годы (The Life of Bishop..., 1985, 2–3, p. 6–9; Bede's Ecclesiastical History..., 1969, V.19, p. 518). Отношения Уилфреда с другой родственницей Освью преподобной Хильдой, напротив, складывались непросто. Папа Иоанн VI в своем послании к правителям Мерсии и Нортумбрии причисляет Хильду к противникам Уилфреда (The Life of Bishop..., 1985, 54, p. 116–117). Возможно, поводом для взаимной неприязни стало их следование разным церковным традициям. На синоде в Уитби (664 г.), где обсуждалась дата празднования Пасхи, Хильда поддержала «ирландскую партию», в то время как Уилфред выступил сторонником римских обычаев (Bede's Ecclesiastical History..., 1969, III.25–26, p. 298–309). Ссоры с королевскими особами и церковными иерархами оказались для святителя источником многих неприятностей и лишений, длившихся на протяжении ни одного десятка лет.

Преподобную Эльфледу сочинение Стефана Рипонского впервые упоминает при следующих обстоятельствах. В 786 г. архиепископ Кентербери Теодор, разрешив свои разногласия с Уилфредом, просил «святую деву и аббатису» (*sanctam virginem et abbatisam*), а также королей Нортумбрии и Мерсии примириться с архиереем. О том, что аббатиса последовала этому совету, мы узнаем из описания дальнейших событий.

Увещевания Теодора были обличены в эпистолярную форму. Цитируя послания архиепископа к венценосным особам, текст его письма к Эльфлеме Стефан не приводит, однако вслед за Теодором настоятельница крупного двойного монастыря ставит в один ряд с правителями двух англосаксонских королевств (The Life of Bishop..., 1985, 43, p. 88–89). Житие епископа Уилфреда принадлежит к ранним англосаксонским памятникам, сохранившим следы переписки между знатными монахинями и церковными иерархами. На примере жития мы видим, что предметом этой переписки могли быть важные вопросы внутрицерковной политики, к которым настоятельница были причастны.

В «Церковной истории народа англов» авторитет ранних англосаксонских аббатис, состоявших в родстве с правящими династиями, находит отражение в биографии преподобной Хильды. За советом к первой уитбийской игуменье, по словам Беды, обращались правители и короли (*“reges ac principes... ab ea consilium quaererent et inuenirent”* – Bede's Ecclesiastical History..., 1969, IV.23, p. 408–409). Несмотря на значимую ремарку, Беда не раскрывает обстоятельств, приведших в Уитби знать. Деятельность святых аббатис его «Церковной истории» почти всегда ограничена внутренним пространством их обители и концентрируется вокруг жизни общины. В житии епископа Уилфреда статус англосаксонских настоятельниц раскрывается в ином социальном контексте. Созидательные труды игуменьи Эльфледы распространяются далеко за пределы ее монастыря. Она обсуждает дела государственной важности, произносит публичные речи. На нее устремлены взоры правящей элиты и духовенства.

Сочинение достаточно подробно иллюстрирует конкретный политический опыт Эльфледы, рассказывая о ее деятельном участии в Ниддском синоде, состоявшемся в правление малолетнего короля Нортумбрии Осреда (705–716). Этот синод был созван в 706 г. для обсуждения статуса опального Йоркского предстоятеля и проходил в присутствии короля, нобилей, архиереев и аббатов. Свой нарратив агиограф обильно снабжает прямой речью, из которой следует, что мнения относительно Уилфреда разделились. Если светская знать выразила готовность поддержать иерарха, то епископат воспротивился примирению, ссылаясь на невозможность нарушить решения почивших правителей Экфрида и Альфтрида. Точку в этом споре поставила игуменья Эльфледа, которую Стефан именует утешительницей и лучшей советчицей всей провинции (*“totius provinciae consolatrix optimaque consiliatrix”* – The Life of Bishop..., 1985, 60, p. 128).

На синоде, невзирая на возражения епископов, Эльфледа говорит в поддержку Уилфреда и ссылается на последнюю волю своего покойного брата: «Истинно во Христе оглашаю, что

завещал король Альфтрид во время своей болезни, приведшей к его кончине. Он дал обет Господу и святому Петру, говоря: “Если я выживу, то выполню все постановления Святого Престола о блаженном епископе Уилфреде, которыми ранее пренебрег. Но, если умру, скажите моему наследнику, сыну, чтобы он во имя Господа и ради спасения моей души исполнил апостольское решение о епископе Уилфреде”» (Ibid., 60, p. 130, 132). Вмешательство Эльфледы, таким образом, лишает противников Уилфреда их главного аргумента, а королевские советники заявляют, что король будет во всем послушен воле своего покойного родителя (Ibid., 60, p. 132–133).

Не исключено, что свое присутствие у смертного одра Альфтрида Эльфледа могла использовать еще ранее в серьезном политическом споре, разгоревшемся за несколько месяцев до Ниддского синода. После смерти короля престол Нортумбрии оказался в руках одного из его родственников Эадвульфа. Другая часть знати желала видеть на троне юного сына Альфтрида Осреда, который вскоре был возведен на престол. Судя по тому, что сообщает агиограф, столкновения между враждующими группировками приобрели вооруженный характер (Ibid., 59–60, p. 128–133). Борьба за власть, наверняка, сопровождалась ожесточенными политическими дискуссиями. Обращает на себя внимание, что игуменья Эльфледа, передавая в своей речи слова брата-короля, называет его наследником сына. Слова Эльфледы демонстрируют единение королевской семьи и ассоциирование себя с нею, а также тонкий намек на историческую параллель с событиями однолетней давности. Агиограф пишет, что после речи игуменьи и королевского элдормена епископы поочередно совещались с архиепископом и с «премудрой девой» (*sapientissima virgo*). Синод завершился окончательным примирением всех враждующих сторон (Ibid., 60, p. 132–133).

Из англосаксонских повествовательных источников конца VII – начала VIII вв. житие Уилфреда Йоркского наиболее наглядно иллюстрирует связь высокого статуса настоятельниц с их принадлежностью к королевским династиям. Мудрость игуменьи Эльфледы в сознании агиографа выступает одним из атрибутов ее королевского достоинства: «Эльфледа, аббатиса и мудрейшая дева – воистину королевская дочь» (*“Aelfleda abbatissa et sapientissima virgo, quae est vere filia Regis”* – Ibid., 59, p. 128). Будучи королевской родственницей, аббатиса Эльфледа присутствует у одра умирающего правителя и слышит его последнюю волю. На синоде она поддерживает королевских нобилей в их полемике с духовенством. Похожий пример в том же житии относится к аббатисе монастыря Колдингем Эббе, которая советует своему племяннику королю Экгфриду отпустить святого Уилфреда из темницы. В отличие от Эльфледы, функции советчицы она выполняет в ходе частной беседы с королем, состоявшейся в ее монастыре (Ibid., 39, p. 78–79).

VII в. в английской истории – период становления христианской Церкви, время, когда черты германского варварского мировоззрения вступают во взаимодействие с новой культурой. В традиционном сознании германцев, нашедшем отражение в народных сказаниях англосаксов, женщине-аристократке отводились роли советчицы и миротворицы [*Chance*, 1986, p. 1–11; *Болдырева*, 2014a]. Толерантное отношение к влиятельным аббатисам могло быть отчасти связано с длительным сохранением этих представлений, в том числе в клерикальной среде, хотя личное восприятие влиятельных женщин автором жития в меньшей степени зависело от характера их участия в жизни святого. Например, королева Ирминбурга, настраивавшая своего мужа против Уилфреда, заслуживала, с точки зрения агиографа, жесткого порицания. Рассказывая о ней, автор умело использует тот же образ советчицы, амбивалентный в англосаксонской культуре, благодаря своим ассоциациям с первородным грехом (*The Life of Bishop...*, 1985, 24, p. 48–49).

Описание Ниддского синода у Стефана – одна из ранних иллюстраций противостояния знатных аббатис и епископов за влияние на церковные и государственные дела. Более четко это противостояние отражено в документах конца VIII – начала IX в., сообщающих о конфликтах между церковными иерархами и настоятельницами за контроль над землей и монастырями (*The Electronic Sawyer*, no. 1258, 1436).

Повествуя о епископе Уилфреде на страницах «Церковной истории», Беда Достопочтенный использовал сочинение Стефана Рипонского, однако в составе обширного исторического нарратива его рассказ менее детален (*Bede's Ecclesiastical History...*, 1969, V.19, p. 516–531). Возможно, поэтому о роли преподобной Эльфледы в судьбе опального прелата Беда ничего не сообщает. Ее историческая личность в его творчестве связана с другим сочинением и другим

святым – Кутбертом Линдисфарнским, чье житие он составил на основе более раннего памятника, созданного около 700 г.

В отличие от амбициозного епископа, хорошо известного в придворной среде и нажившего себе множество недругов, святитель Кутберт (ум. 687) значительную часть жизни провел в полном уединении, предаваясь аскетическим подвигам и молитве. Рано вступив в монашество, Кутберт проходил послушания в монастырях Мелроз и Линдисфарн, снискал известность строгой аскезой и пророческим даром. Возведение в сан архиерея мало изменило привычки отшельника, и он по-прежнему проводил много времени на пустынном острове, расположенном у северо-восточного побережья Нортумбрии. Авторство первого жития святого Кутберта принадлежит анонимному линдисфарнскому монаху, который пользовался воспоминаниями и свидетельствами лично знавших подвижника людей. Игуменья Эльфледа оказалась среди них.

В правление короля Альфтрида, при котором был составлен этот памятник, преподобная Эльфледа была еще жива. Велика вероятность того, что она лично читала это сочинение. Если в житии святителя Уилфреда уитбийская аббатиса представлена влиятельной публичной фигурой, агиография, посвященная Кутберту, приоткрывает ее частный опыт доверительного общения с чудотворцем. Внимание анонимного писателя и Беда она заслуживает как почитательница и собеседница святого, испытавшая на себе силу его чудес. Однако и здесь мы обнаруживаем следы участия принцессы-игуменьи в делах правящего дома.

Оба жития сохранили описание двух встреч Кутберта с Эльфледой, первая из которых произошла еще до его назначения на Линдисфарнскую кафедру. Примерно за год до кончины короля Эгфрида отшельник Кутберт по просьбе Эльфледы прибывает на небольшой остров Кокет. Эльфледа спрашивает его «о многих вещах» (*multa interrogare cepit*). Однако читателю становится известна лишь та часть разговора, которая относится к пророчествам святого о кончине Эгфрида, его приемнике и собственном епископстве. По настоянию Эльфледы, заклиняющей его именем Всевышнего, Кутберт приоткрывает эти тайны, но делает это не потому, что перед ним королевская особа, а «из страха Божия» (*timens Dominum*) (VC auct. A, 1985, III.6, p. 102–103).

Изображение Эльфледы, преклоняющей колена перед святым подвижником, подчеркивает иерархичность их отношений. Отвечая на вопрос игуменьи о будущем правителе, Кутберт не только раскрывает его личность, но предсказывает ее дружбу с ним: «Он немного помолчал и молвил: «Тебе он будет братом не меньше, чем тот другой [король Эгфрид. – И. Б.]». Это поистине казалось невероятным, и она еще настойчивее спросила, где он находится [сейчас]. Он терпеливо ответил ей: «О, служительница Христова, чему же ты должна удивляться, если [он окажется] на одном из островов этого моря». Она сразу поняла, что сказанное относится к Альфтриду, который ныне мирно правит и который тогда жил на острове, называемом Ионой (Ibid., III.6, p. 104). У обоих авторов этот эпизод содержит косвенные свидетельства политической активности аббатисы, связанной с проблемой наследования нортумбрийского трона. Беда разъясняет, что игуменья спрашивала святого о королевском приемнике, так как у Эгфрида не было ни братьев, ни сыновей (*“cum filiis careret et fratribus”* – VC auct. B, 1985, 24, p. 236).

Король Альфтрид, занявший нортумбрийский престол после гибели бездетного Эгфрида в битве при Нехтансмере (685 г.), был незаконнорожденным отпрыском его отца Освью и ирландской принцессы Фин. В правление Эгфрида он был вынужден покинуть Нортумбрию и обучаться наукам на родине матери [Ireland, 2015]. О политической борьбе, сопровождавшей восшествие Альфтрида на престол, исторические источники ничего не сообщают, но по реакции Эльфледы мы видим, что при жизни сводного брата он не воспринимался как наследник. В историографии считается, что победу принца обеспечила лояльность ирландцев и пиктов, свою роль также сыграл авторитет его семьи на родине [Kirby, 1991, p. 144; Moisl, 1983, p. 121].

Сводная сестра стала одной из тех, кто оказал ему поддержку. Неслучайно житие Кутберта, в котором присутствует пророчество о восшествии Альфтрида на престол, было составлено во время его правления. Теплые отношения Альфтрида и Эльфледы также подтверждает упоминание Стефана Рипонского о ее присутствии у постели короля во время его болезни. После кончины Альфтрида Эльфледа отстаивала интересы его малолетнего наследника Осреда, который получил трон в результате ожесточенной борьбы.

Вторая встреча Эльфледы с Кутбертом, о которой известно из посвященной ему агиографии, состоялась в местечке под названием *Osingadun*. Здесь находилось одно из поместий ее

монастыря, куда Кутберт, уже будучи в сане епископа, прибыл для освящения храма (VC auct. A, 1985, IV.10, p. 126–127; VC auct. B, 1985, 34, p. 260–265). Автору первого жития об этой встрече рассказывала сама игуменья (“*Fidelissima abbatissa Aelfleda de sancto episcopo aliud scientie spiritalis miraculum mihi reuelauit*” – VC auct. A, 1985, IV.10, p. 126). Как и беседа на острове Кокет, этот эпизод был включен в нарратив с целью показать прозорливость подвижника, свидетельницей которой стала Эльфледа. Их разговор происходит за трапезой. Святитель, созерцая тайны, сокрытые от глаз простого смертного, роняет обеденный нож. На вопрос Эльфледы о произошедшем он признался, что видел душу праведника из ее общины, возносящую на небо. На следующий день, по предсказанию святого, имя почившего монаха ему сообщает сама игуменья, вошедшая в церковь как раз в то время, когда совершалось поминовение усопших (Ibid., IV.10, p. 126–127).

Работая над духовной биографией святого Кутберта в начале 20-х гг. VIII в., Беда Достопочтенный использовал анонимное житие как один из основных источников своего текста. Обратившись к линдисфарнской братии, носителям устного предания, книжник перепроверил и дополнил изложенные здесь сведения. Оба эпизода с участием Эльфледы он сохраняет в своем нарративе, однако переосмысливает их. Известно, что Беда был сторонником сильной архиепископской власти. Двойные монастыри, возглавляемые королевскими родственницами и обладавшие значительными материальными ресурсами, в известной степени ограничивали влияние епископата. Так, на синоде в Херефорде, состоявшемся на третьем году правления короля Эгфрида, было принято решение о невмешательстве епископов во внутренние дела монастырей (Bede’s Ecclesiastical History..., 1969, IV.5, p. 350–351). Спустя полвека в послании к Эгберту Беда призывал архиереев надзирать за жизнью общин и деятельностью аббатов и аббатис, «ибо монастырские дела подлежат суду не королей или светских правителей, а одних лишь епископов» (Письмо..., 2001, с. 203). Присутствующая во втором житии акцентуация духовного превосходства святого Кутберта над Эльфледой, возможно, стала своеобразным литературным отражением позиции Беды, отстаивавшего четкую церковную иерархию.

Диалоги Эльфледы и Кутберта у Беды переданы более подробно. Он использует библейские цитаты, сообщает детали, отсутствующие у анонимного агиографа. Общаясь с Эльфледой, святой Кутберт не просто пророчествует, но делает душеполезные наставления. Своими откровениями он делится с Эльфледой после ее настойчивых просьб. «Удивительно, что ты, женщина умная и знающая Священное Писание, желаешь говорить о сроках человеческой жизни, – сетует святой, – как если бы она была долгой, когда псалмопевец глаголет, что “лета наша яко паучина”, а Соломон предупреждает: “Если человек проживет и много лет и веселится в продолжение всех их, пусть помнит о днях темных, которые будут многи, и когда они приходят, все, что было, оказывается суетой”» (VC auct. B, 1985, 24, p. 234–236). «Могу ли я целый день есть? Иногда мне надо и отдохнуть», – отвечает он на вопрос игуменьи о причине неожиданного падения за трапезой ножа (Ibid., 34, p. 262).

Стремление Эльфледы знать будущее и проникнуть в тайны Божьи вызывает неодобрение Беды, которое очень тонко выражено в тексте нарратива благодаря искусному использованию книжником описательных приемов: «Услышав об этом, она разразилась слезами, оплакивая мрачные предсказания, но, осушив свое лицо, снова с женской настойчивостью (*audacia feminea*) стала умолять его ради всех небесных сил сказать, кто унаследует королевство» (Ibid., 24, p. 236); «Она без промедления подошла к епископу, который тогда освящал церковь и с женским замешательством (*stupor femineo*), словно объявила о чем-то новом и неизвестном, сказала: “Молю тебя, владыка епископ, помяни за мессой моего Хадвальда (ибо так звали того мужа), который умер вчера, упав с дерева”» (Ibid., 34, p. 264). Душевные слабости Эльфледы в сознании Беды связаны с ее женской природой. Реакция аббатисы на известие о скорой гибели ее брата-короля лишь усиливала эти ассоциации. Еще О. А. Смирницкая отмечала, что в памятниках древнеанглийской поэзии женщины изображены советчицами, распорядительницами и плакальщицами [Смирницкая, 1982, с. 213]. Свою горькую участь оплакивают героини «Вульфа и Эадвакера», «Плача жены» (Древнеанглийская поэзия, 1982, с. 60–64). Хильдебурга из «Беовульфа» рыдает у погребального костра сына и брата, погибших в междоусобной расправе (Beowulf, 1107–1117). Образы этих литературных героинь воплощают распространенный в народной культуре англосаксов стереотип *geomoru ides* – печальной женщины, о котором пишет Дж. Хилл [Hill, 1990].

Сравнивая эти фрагменты в анонимном житии и у Беда, С. Холлис обвиняет агиографа в мизогинии и личной неприязни к аббатисе. В историографии риторика Достопочтенного воспринимается как часть церковной полемики вокруг статуса знатных англосаксонских настоятельниц, к которым Беда и консервативная часть священства относились враждебно [Hollis, 1992, p. 206–207; Lees, Overing, 2001, p. 51–53].

Следует признать, автор «Церковной истории» ведет эту полемику весьма деликатно. Упомянув Эльфледу впервые в 23-й главе своего повествования, он очень по-доброму отзывается о ней и высоко оценивает ее благочестие: «Досточтимая раба Христова Эльфледа, которая к радостям девства приложила материнское и кроткое попечение о многочисленной общине служительниц Господа и приумножила благородство королевского рода более славным благородством высочайшей добродетели» (VC auct. B, 1985, 23, p. 230). Даже если Эльфледа и Беда не были знакомы лично, репутацией благочестивой и заботливой игуменьи Эльфледа пользовалась среди братии Линдисфарнского монастыря, с которыми известный историк и богослов поддерживал тесные контакты. Неудивительно, что эта репутация находит отражение в его нарративе.

Различное восприятие англосаксонскими писателями положения знатной женщины в Церкви и политической активности настоятельниц крупных монастырей, на наш взгляд, не было единственным фактором, определившим особенности образа Эльфледы Уитбийской в житийной традиции начала VIII в. Не менее значимую роль сыграли общий замысел этих сочинений, а также обстоятельства их создания. Линдисфарнское житие Кутберта, написанное еще при жизни Эльфледы, имело своей целью обобщить сведения о чтимом местном подвижнике, доказать и проиллюстрировать его святость. Знакомство с влиятельной игуменьей и использование ее свидетельств накладывали определенные обязательства на агиографа. Изображение Эльфледы любящей королевской сестрой и представительницей правящего дома, переживающей за его судьбы, отразило значимые социальные роли аббатисы, с которыми она себя ассоциировала.

Агиографический нарратив Беда, где Кутберт представлен образцовым монахом и епископом, был составлен уже после смерти настоятельницы, когда появляется возможность редактировать связанные с ней фрагменты сочинения. Второе житие Кутберта по своим жанровым особенностям отличается выраженной назидательностью. Все поступки и слова святого здесь преподносят духовные уроки, которые, по замыслу автора, должны были служить спасению душ его читателей.

Лучше понять отношение Беда Достопочтенного к Эльфледе, возможно, помогает еще один посвященный ей эпизод, который отличается от двух рассмотренных ранее. Во-первых, он отсутствует в анонимном житии. Во-вторых, здесь говорится о чуде исцеления. Ссылаясь на слова знакомого ему линдисфарнского священника Херефрида, услышавшего эту историю от самой игуменьи, Беда повествует о том, как она по молитвам святого избавилась от опасной болезни (VC auct. B, 1985, 23, p. 230–235).

Еще при жизни святителя Эльфледа сильно занемогла и утратила способность ходить. Потеряв надежду на помощь врачей, она вспомнила о чудотворце: «Если бы у меня была какая-нибудь вещь моего Кутберта, знаю, верю Господу и надеюсь, что все быстро бы прошло» (Ibid., 23, p. 232). Вскоре после этого аббатисе передали льняной пояс, который прислал святой, провидя, что она болеет. Исцеление от него получила еще одна инокиня ее монастыря: сама настоятельница принесла ей пояс как реликвию, обладающую целительной силой. Однако спустя некоторое время пояс исчез, и его так и не смогли найти. Объясняя это таинственное исчезновение, Беда выражает мысль, что чудеса исцеления происходят только с теми, кто верит в них и достоин: «Очевидно, что это совершилось по Промыслу Божью, – пишет он, – чтобы святость возлюбленного Господом отца могла быть явлена верующим через эти два чуда исцеления, и все поводы для сомнений в его святости с тех пор были удалены от сомневающихся. Ведь если бы пояс всегда находился там, множество болящих постоянно стекалось бы к нему, и однажды кто-либо из них, возможно, не заслуживающий исцеления от недуга, стал отрицать его силу, по той причине, что он его не излечил, когда на самом деле он не достоин быть исцеленным» (Ibid., 23, p. 232).

Этот фрагмент заставляет более взвешенно подойти к выводам С. Холлис. Здесь Беда противопоставляет Эльфледу сомневающимся, недвусмысленно свидетельствуя о ее вере и высокой христианской жизни. Предложив воспользоваться святыней одной из своих монахинь,

мать-игуменя в некотором роде выступает проводником чудодейственной силы Кутберта и сама становится причастной его дару чудотворений.

В одной из своих новейших публикаций Д. Уотт пишет, что различия между изображением Эльфледы в рассматриваемом эпизоде и ее другими изображениями в житии Кутберта Беда подтверждает, что рассказ о льняном поясе был включен в его текст, не претерпев существенной переработки, которой агиограф подверг другой материал, относящийся к уитбийской настоятельнице [Watt, 2020, p. 17]. Однако причин авторского выбора Беда Уотт не разъясняет.

Нам представляется, что неодинаковое восприятие Эльфледы агиографом в одном и том же сочинении могло быть обусловлено тем, что в различных ситуациях она следует разным моделям поведения. Любопытство Эльфледы и ее вовлеченность в семейные и политические дела Беда не считал полезным для монашествующих, а потому, сохранив оба эпизода, иллюстрирующих прозорливость Кутберта, он одновременно предостерегает своих читателей от мирского отношения к духовным вещам.

Излечение от физических и психических недугов, напротив, относится к распространенной группе чудотворений, встречающихся в средневековой житийной литературе. В «Церковной истории народа англос» женщины становятся свидетельницами и участницами чудес, совершаемых святыми мужами. Помощь, которую Эльфледа оказывает монахине, напоминает эпизод из «Церковной истории», где говорится, как в монастыре аббатисы Этельхильды через шкатулку с землей святого Освальда получает исцеление бесноватый (Bede's Ecclesiastical History..., 1969, III.11, p. 246–251). История с льняным поясом продолжает, а, если учитывать хронологию работ агиографа, предвяряет этот тематический ряд. Здесь есть не только описание чуда, но раскрывается механизм действия чудесного и преподносится образец истинно христианского поведения, связанного с верой в Бога и надеждой на него. Комментарии, которыми Беда снабжает свидетельства линдисфарнского пресвитера, являются его собственными и отражают его точку зрения.

Нельзя не отметить, что редактирование Бедой относящихся к Эльфледе фрагментов анонимного жития создает напластование смыслов и многозначность прочтения, затрудняющую использование таких оценок по отношению к его нарративу как мизогиния или враждебность. Например, в рассказе о трапезе Кутберта с аббатисой говорится, что она спрашивает святого о видении по просьбе находившегося рядом и склоняющегося к ней священника (*“Quod dum presbiter eius qui astatat et ministrabat aspiceret, inclinatus ad abbatissam dixit silentio, Interroga episcopum quid uiderit”* – VC auct. B, 1985, 36, p. 262). Эта деталь, отсутствующая в раннем житии, придает тексту Беда аллюзии на евангельское повествование от Иоанна о Тайной Вечере (Библия, 2016, Ин 13:22–25), в которых Кутберт ассоциируется с Христом, Эльфледа – с его любимым учеником Иоанном Богословом.

Нам также сложно согласиться с Холлис, объясняющей реакцию Кутберта на вопросы игуменьи банальным нежеланием посвящать представительницу женского пола, менее совершенного, в доступные подвижнику сакральные тайны [Hollis, 1992, p. 204–205]. Похожим образом Кутберт реагирует на вопрос знакомого священника об исходе сражения при Нехтансмере. В главе 27 жития Беда Достопочтенный пишет: «Он глубоко вздохнул, сказав негромким голосом: “Быть может, в этот самый час решается исход битвы”. Стоявший рядом пресвитер, зная, о ком он говорит, ответил с опрометчивой поспешностью (*incauta velocitate*) и промолвил: “Откуда тебе известно?”. Однако [Кутберт], не желая более раскрывать из того, что ему было открыто, [сказал]: “Неужели не видишь, сколь переменчива и неспокойна погода? А смертному достоин ли исследовать суды Божьи?”» (VC auct. B, 1985, 27, p. 244).

В житиях раннехристианских аскетов, которые наверняка были известны писателю, иногда говорится о том, как святые стремились скрыть свои духовные дары, избегая мирской славы. Такие примеры можно найти в сочинениях, хорошо знакомых англосаксонским церковным авторам: в «Жизнеописании пустынных отцов» Руфина, «Житии Антония Великого» в переводе Евагрия, «Диалогах» папы Григория (Rufinus, 1849, II.140, col. 407, IX.164, col. 426; Vita beati Antonii..., 1860, 24, 30, cols. 147–148, 152; S. Grigorius Magnus, 1862, I.9, col. 192). С тем же стремлением, а также с имитацией *imago Christi* (Библия, 2016, Мф 9:29–30; Мк 5:41–43; Лк 8:54–56; Лк 9:21) связана адресованная Эльфледе просьба Кутберта никому не рассказывать о его пророчествах вплоть до его кончины (VC auct. A, 1985, III.6, p. 104–105; VC auct. B, 1985,

24, p. 236–237). Нежелание отшельника говорить о смерти короля Эгфрида контекст сочинения позволяет объяснить его опасением причинить боль собеседнице, которая тяжело переживает это известие. Кутберт спешит утешить плачущую Эльфледу, заверяя, что в новом правителе она также обретет брата (VC aust. B, 1985, 24, p. 234–237).

Подведем итоги. Ранняя англосаксонская агиография иллюстрирует на примере Эльфледы Уитбийской причастность аббатис рубежа VII–VIII вв. к государственным делам, их авторитет и попытки политического влияния, в основе которого лежали родственные связи с королевскими домами. В работах церковных авторов, бывших современниками Эльфледы, находят отражение различные аспекты социальных взаимоотношений, в которые она была вовлечена. Если житийная традиция, посвященная отшельнику Кутберту, приоткрывает ее личные переживания и опыт доверительного общения с подвижником, в житии епископа Уилфреда внимание сфокусировано на политической активности аббатисы.

Вмешательство знатных настоятельниц в государственные и церковные дела не всегда вызывало одобрение клириков. Пример неоднозначного восприятия влиятельных женщин в церковной среде мы находим в составленном Бедой Достопочтенным житии Кутберта Линдисфарнского. Давая высокую оценку христианской добродетели и вере Эльфледы, агиограф укоряет ее за мирское отношение к духовным дарам святого.

Различие взглядов англосаксонских писателей на положение представительниц нобилитета в Церкви было далеко не единственным фактором, определившим особенности изображения Эльфледы в житийной традиции. Не меньшее значение имели обстоятельства создания этих памятников, авторский замысел, цель, ради которой агиографы включали в свое повествование эпизоды с ее участием, микроконтекст нарратива.

В письменной культуре раннесредневековой Англии игуменья Эльфледа фигурирует как представительница правящего дома, почитательница и собеседница святых мужей. Со своими современниками Эльфледа охотно делилась воспоминаниями о линдисфарнском чудотворце, тем самым способствуя формированию его культа и укреплению легитимности своих родственников на нортумбрийском престоле. Сохранившиеся агиографические сочинения свидетельствуют об уважении, которым она пользовалась среди рипонской и линдисфарнской братии, а также о широком круге ее социальных контактов.

Несмотря на политический вес и вовлеченность в письменную традицию рубежа VII–VIII вв., на протяжении ряда последующих столетий аббатиса Эльфледа оказывается практически забытой. Ее мощи, покоившиеся на территории Уитбийского монастыря, были обретенны только в XII в., о чем сообщает современник этого события англо-нормандский хронист и историк Уильям Мальмсберийский (William of Malmesbury, 2007, III, 116).

Список источников

- Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями: в синодальном переводе. М.: Никая, 2016. 1592 с.
- Древнеанглийская поэзия / пер. В.Г. Тихомирова, ред. О.А. Смирницкая. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Письмо Беды Эгберту // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос / пер., вступит. статья, коммент. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. С. 197–205.
- Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. and trans. B. Colgrave, R.A.B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1969. 618 p.
- Beowulf // The Online Corpus of Old English Poetry / ed. M. McGillivray. URL: <http://www.oepoetry.ca> (дата обращения: 15.11.2020).
- Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus / ed. M. Tangl // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Selectae. T. I. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1916. P. 1–289.
- Old English Martyrology / ed. G.L. Herzfeld. L.: Trübner & Co., 1900. 243 p.
- Rufinus. Historia monachorum // Patrologia Latina / ed. J. P. Migne. Vol. 21. T. 1. Paris: Petit-Montrouge, 1849. Cols. 387–462
- S. Grigorius Magnus. Dialogum de Vita et Miraculis Patrum Italicorum // Patrologia Latina / ed. J.P. Migne. Vol. 77. T. 3. Paris: Petit-Montrouge, 1862. Cols. 149–430.
- The Earliest Life of Gregory the Great / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 196 p.

- The Electronic Sawyer. Online catalogue of Anglo-Saxon charters. URL: <http://www.esawyer.org.uk> (дата обращения: 14.11.2020).
- The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 192 p.
- Vita beati Antonii abbatis auctore Sancto Athanasio, episcopo Alexandrino // PL / ed. J.-P. Migne. Vol. 73. T. 1. Paris: Seu Petit-Montrouge, 1860. Cols 125–170.
- Vita Sancti Cuthberti Auctore Anonymae // Two Lives of Saint Cuthbert / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 59–139.
- Vita Sancti Cuthberti Auctore Beda // Two Lives of Saint Cuthbert / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 141–307.
- William of Malmesbury. Gesta pontificum anglorum. Vol. I: Text and Translation / ed. and trans. M. Winterbottom. Oxford: Clarendon Press, 2007. 728 p.

Библиографический список

- Болдырева И.И.* Гендерные стереотипы в англосаксонской культуре и социальных практиках (VII–XI вв.) // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2014a. № 22. С. 147–167.
- Болдырева И.И.* Двойные монастыри в Англии в эпоху Беды Почтенного // Клио. 2014b. № 2 (86). С. 40–43.
- Гвоздецкая Н.Ю.* Женщины в «Церковной истории народа англоv» Беды Достопочтенного // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 1. Иваново, 2008. С. 24–44.
- Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / пер. В.Г. Тихомирова, ред. О.А. Смирницкая. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
- Black J.* “Nutrix pia”: The Flowering of the Cult of St Aethelthryth in Anglo-Saxon England // Writing Women Saints in Anglo-Saxon England / ed. P.E. Szarmach. Toronto: University of Toronto Press, 2013. P. 167–190.
- Blair P.H.* Whitby as a Centre of Learning in the Seventh Century // Learning and Literacy in Anglo-Saxon England / eds. M. Lapidge, H. Gneuss. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 3–32.
- Breeze A.* Did a woman write the Whitby Life of St Gregory? // Northern History. 2012. Vol. 49.2. P. 351–356.
- Chance J.* Woman as Hero in Old English Literature. Syracuse: Syracuse University Press, 1986. 156 p.
- Cross J.E.* A Lost Life of Hilda of Whitby: The Evidence of the Old English Martyrology // Early Middle Ages. 1979. Vol. 6. P. 21–43.
- Ireland C.A.* Where Was King Aldfrith of Northumbria Educated? An Exploration of Seventh-Century Insular Learning // Traditio. 2015. Vol. 70. P. 29–73.
- Hill J.* “Pæt wæs geomuru ides!”: A Female Stereotype Examined // New Readings on Women in Old English Literature / eds. H. Damico, A.H. Olsen. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 235–247.
- Hollis S.* Anglo-Saxon Women and the Church. Woodbridge: The Boydell Press, 1992. 323 p.
- Kirby D.P.* Bede, Eddius Stephanus and the Life of Wilfrid // The English Historical Review. 1983. Vol. 98 (386). P. 101–114.
- Kirby D.P.* The Earliest English Kings. London: Unwin Hyman, 1991. 241 p.
- Laynesmith M.D.* Stephen of Ripon and the Bible: Allegorical and Typological Interpretations of the Life of St. Wilfrid // Early Medieval Europe. 2000. Vol. 9.2. P. 163–182.
- Lees C.A., Overing G.R.* Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 244 p.
- Moisl H.* The Bernician Royal Dynasty and the Irish in the Seventh Century // Peritia: The Journal of the Medieval Academy of Ireland. 1983. Vol. 2. P. 103–126.
- Rollason D.* Hagiography and Politics in Early Northumbria // Holy Men and Holy Women: Old English Prose Saints’ Lives and their Context / ed. P.E. Szarmach. Albany: University of New York Press, 1996. P. 95–114.
- Watt D.* Women, Writing, and Religion in England and Beyond, 650–1100. London: Bloomsbury Academic, 2020. 238 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.01.2021

AELFFLED, ABBESS OF WHITBY, IN ANGLO-SAXON HAGIOGRAPHIC TRADITION AT THE TURN OF THE 7TH AND 8TH CENTURIES

I. I. Boldyreva

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Studencheskaya str., 10, 394036, Voronezh, Russia

boldyrevairi@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6708-7268

Scopus Author ID: 57223853884

The paper focuses on the representation of Aelfled, abbess of Whitby, in hagiographical works of Anglo-Saxon church writers at the turn of the 7th and 8th centuries. The research is based on Stephen of Ripon's life of Saint Wilfred of York and two lives of Saint Cuthbert, composed by an anonymous monk of Lindisfarne and Bede the Venerable. Within the first centuries after the Christianization of England, the authority of noble Anglo-Saxon abbesses was based on their kin relations with the ruling houses. A member of Northumbrian royal dynasty, Aelfled was one of the most powerful women in England of her time. She took interest in written culture, succession strategies, and church politics. Her circle of social contacts stretched far beyond the monastery walls. In the life of Saint Wilfred, Aelfled is shown as a prominent public figure. The hagiographic tradition devoted to Cuthbert of Lindisfarne reveals her emotional world, personal interaction with the wonderworker and her involvement in the affairs of Northumbrian royal house. Literary portraits of the second abbess of Whitby illustrate the high social position of noble ladies who were at the head of Anglo-Saxon double houses, as well as the dubious attitude of church milieu towards their political activities. Among other factors that determined Aelfled's portrayal by her contemporaries were the circumstances of their works' composition, individual biographic features of the saints to whom the *vitae* were devoted to, and the narrative's micro-context. Based on the comparative and contextual analysis, the author attempts to revise the attitude expressed by modern gender historians about Bede's hostility towards abbess Aelfled.

Key words: the 7th and 8th century England, Anglo-Saxon Church, Anglo-Saxon monastic orders, Anglo-Saxon hagiographic tradition, Whitby, abbess Aelfled.

References

- Black, J. (2013), "'Nutrix pia': The Flowering of the Cult of St Aethelthryth in Anglo-Saxon England", in Szarmach, P.E. (ed.), *Writing Women Saints in Anglo-Saxon England*, University of Toronto Press, Toronto, Canada, pp. 167–190.
- Blair, P.H. (1985), "Whitby as a Centre of Learning in the Seventh Century", in Lapidge, M. & H. Gneuss (eds.), *Learning and Literature in Anglo-Saxon England*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 3–32.
- Boldyreva, I.I. (2014a), "Gender stereotypes in Anglo-Saxon culture and social practices (VII – XI cc.)", in *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii* [Adam & Eve. Gender history yearbook], IVI RAN, Moscow, Russia, № 22, pp. 147–167.
- Boldyreva, I.I. (2014b), "Double monasteries in England in Bede's the Venerable epoch", *Klio*, vol. 2 (86), pp. 40–43.
- Breeze, A. (2012), "Did a woman write the Whitby Life of St Gregory?", *Northern History*, vol. 49.2, pp. 351–356.
- Chance, J. (1986), *Woman as Hero in Old English Literature*, Syracuse University Press, Syracuse, USA, 156 p.
- Cross, J. E. (1979), "A Lost Life of Hilda of Whitby: The Evidence of the Old English Martyrology", *Early Middle Ages*, vol. 6, pp. 21–43.
- Gvozdet'skaya, N.Yu. (2008), "Women in Bede's the Venerable 'Ecclesiastical history of the English people'", in *Cursor Mundi. Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [Cursor Mundi. A Man of Antiquity, the Middle Ages and the Renaissance], Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, Ivanovo, Russia, № 1, pp. 24–44.
- Hill, J. (1990), "'Pæt wæs geomuru ides!": A Female Stereotype Examined", in Damico, H. & A. H. Olsen (eds.), *New Readings on Women in Old English Literature*, Indiana University Press, Bloomington, USA, pp. 235–247.
- Hollis, S. (1992), *Anglo-Saxon Women and the Church*, The Boydell Press, Woodbridge, UK, 323 p.
- Ireland, C.A. (2015), "Where Was King Aldfrith of Northumbria Educated? An Exploration of Seventh-Century Insular Learning", *Traditio*, vol. 70, pp. 29–73.
- Kirby, D.P. (1983), "Bede, Eddius Stephanus and the Life of Wilfrid", *The English Historical Review*, vol. 98 (386), pp. 101–114.
- Kirby, D.P. (1991), *The Earliest English Kings*, Unwin Hyman, London, UK, 241 p.

- Laynesmith, M.D. (2000), "Stephen of Ripon and the Bible: allegorical and typological interpretations of the Life of St Wilfrid", *Early Medieval Europe*, vol. 9.2, pp. 163–182.
- Lees, C.A. & G.R. Overing (2001), *Double Agents: Women and Clerical Culture in Anglo-Saxon England*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA, 244 p.
- Moisl, H. (1983), "The Bernician Royal Dynasty and the Irish in the Seventh Century", *Peritia: The Journal of the Medieval Academy of Ireland*, vol. 2, pp. 103–126.
- Rollason, D. (1996), "Hagiography and Politics in Early Northumbria", in Szarmach, P.E. (ed.), *Holy Men and Holy Women: Old English Prose Saints' Lives and their Context*, University of New York Press, Albany, USA, pp. 95–114.
- Smirnitskaya, O.A. (1982), "Anglo-Saxon Poetic Art", in Tikhomirov, V.G. (trans.) & O.A. Smirnitskaya (ed.), *Drevneangliyskaya poeziya* [Old English Poetry], Nauka, Moscow, USSR, pp. 171–232.
- Watt, D. (2020), *Women, Writing, and Religion in England and Beyond, 650 – 1100*, Bloomsbury Academic, London, UK, 238 p.